

оказывается, пробѣжала въ село,—и съ раздраженіемъ добавилъ:—вѣдь эти барышни не могутъ безъ геройства!

Захаръ Иванычъ подумалъ и хотѣлъ-было возразить, но не возразилъ, а вынулъ платокъ и громко высморкался. Опять помолчали.

— А вашъ знакомый? онъ, кажется, былъ тамъ?—вяло спросилъ Волхонскій.

— Да, какъ же, былъ.

— Что мы его не видимъ?

— А онъ въ Ерзунахъ, кажется, гостилъ, у мужичка тамъ одного; да на пожаръ и пріѣхалъ.

Алексѣй Борисовичъ снисходительно улыбнулся.

— Народники, — сказалъ онъ, и добавилъ въ покровительственномъ тонѣ:— благородные люди!

Захаръ Иванычъ промолчалъ. Но посидѣвъ немного, поднялся.

— Такъ я ужъ пойду, Алексѣй Борисычъ,—вымолвилъ онъ.

— А, вы идете? Ну, покойной ночи. Такъ передайте имъ... И, вообще, изъ хлѣба что-нибудь... Вообще, чтобы не было этого... этого (онъ потрясъ пальцами въ воздухъ)... этого нытья!.. — и добавилъ съ внезапной благосклонностью:— мое почтеніе вашему знакомому.

По уходѣ Захара Иваныча, онъ снова походилъ немного и затѣмъ, помѣстившись въ глубокомъ креслѣ, погрузился въ тонкую дремоту. Вдругъ легкое прикосновеніе пробудило его. Онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову. Пухлый ликъ отца Ихтиозавра въ испугѣ наклонился надъ нимъ.

— Что такое?—вскрикнулъ Алексѣй Борисовичъ.

— Дѣло отвратительное,—сказалъ Ихтиозавръ,—очнулась въ бреду и термометръ стоитъ на сквернѣйшей цифрѣ.

Волхонскій схватилъ себя за голову. «Что вы со мной сдѣлали, злодѣй!»—закричалъ онъ въ отчаяніи и схватился за сонетку.

Въ тотъ же мигъ полетѣли телеграммы въ Воронежъ и въ Москву, а за ближнимъ докторомъ во весь опоръ поскакала тройка.

Утро всѣхъ застало въ переполохѣ. Волхонскій пожелтѣлъ и осунулся. Облѣпивцевъ не выходилъ изъ своей комнаты. Лукавинъ пасмурный ушелъ къ Захару Иванычу и не появлялся во весь день. Комнаты стояли въ непривѣтливомъ беспорядкѣ. Прислуга безтолково двигалась изъ угла въ уголъ и перекидывалась унылыми замѣчаніями. Надежда ходила съ заплаканными